

ДИЛЕММЫ НАСИЛИЯ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX - НАЧАЛА XXI ВЕКА

Научный руководитель – Подвойский Денис Глебович

Куранова Марина Владимировна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра социальной философии, Москва, Россия

E-mail: marinakuranovav@yandex.ru

Вплоть до середины XIX века проблема насилия разрабатывалась преимущественно в горизонте дихотомии «природа-общество». Начиная с Т. Гоббса, усматривавшего источник агрессии в досоциальной природе индивида и обосновавшего в «Левиафане» [4] необходимость государства как монополиста на легитимное насилие, до Ж.-Ж. Руссо, связывавшего насилие с порчей этой природы институтами собственности и неравенства в «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» [6]

К. Маркс и М. Вебер осуществили фундаментальный сдвиг, выведя дискуссию за рамки антропологической заданности и переместив фокус на анализ объективированных социальных структур. Маркс в «Капитале» [5] продемонстрировал, как насилие может быть неявно вписано в сам способ функционирования экономической системы, будучи конститутивным элементом эксплуатации и отчуждения труда и не требуя ни особой психологической предрасположенности, ни открытого принуждения. Вебер в «Хозяйстве и обществе» [3] показал, что насилие обретает легитимность исключительно через институциональные механизмы государства, становясь атрибутом рациональной бюрократической машины и определяя государство как человеческое сообщество, претендующее на монополию легитимного физического насилия в пределах данной территории. Классическая традиция заложила основания двух магистральных линий понимания насилия - как структурно обусловленного, безличного принуждения и как действия, укорененного в субъективных интенциях и практиках.

Ко второй половине XX века эта оппозиция достигла точки предельного напряжения, породив комплекс дилемм, которые уже не сводились к простому выбору между природой и обществом или структурой и действием. Разумеется, эти дилеммы значительно шире творчества любого отдельного мыслителя и пронизывают самые разные направления философской мысли - от феноменологии до критической теории и постструктурализма. Однако именно обращение к концептуальным построениям Пьера Бурдьё и Жан-Поля Сартра позволяет наиболее рельефно высветить суть данного противостояния, зафиксировав фундаментальную дилемму современной социально-философской мысли. Мы можем понимать насилие как вездесущий, но ускользающий от рефлексии структурный фон социальности или как экзистенциальный акт, в котором субъект утверждает себя вопреки давлению обстоятельств.

Ж.-П. Сартр в «Критике диалектического разума» [7] радикализирует субъект-центричную оптику. Насилие для него есть неотъемлемая часть человеческой практики в условиях фундаментальной нехватки ресурсов и средств существования, которая конституирует саму возможность человеческой истории. В ситуации дефицита Другой неизбежно воспринимается как потенциальная угроза, а насилие становится формой опосредования интереса субъективных отношений. Более того, у Сартра насилие выступает способом обретения коллективной субъектности, именно через «братство-террор» группа обретает единство и историческую действенность, преодолевая инерцию «практико-инертного» бытия

- овеществленных структур, в которых оседает и угасает человеческая свобода. Насилие здесь есть прорыв субъективности, момент обретения подлинного существования через действие, пусть даже разрушительное.

П. Бурдье, напротив, в целом ряде работ, включая «Воспроизводство» [1] и «Практический смысл» [2], разрабатывает категорию «символического насилия», которая смещает фокус с осознанного действия на механизмы невидимого принуждения. Символическое насилие определяется им как мягкая форма господства, которая осуществляется не через прямое подавление, а через интериоризацию социальных структур в виде габитуса - систем диспозиций, определяющих восприятие, мышление и практики агентов. Эффективность символического насилия прямо пропорциональна его неузнаваемости - насилие перестает восприниматься как насилие именно тогда, когда оно наиболее полно осуществляет свою функцию легитимации существующего порядка. Агенты сами, зачастую неосознанно, воспроизводят отношения господства, принимая их за естественный порядок вещей.

Если для Сартра насилие есть прорыв субъективности сквозь инерцию овеществленного мира, момент обретения свободы через действие, то для Бурдье любое такое действие рискует оказаться лишь воспроизводством структур господства, осуществляемым самим агентом, но по правилам, которые им не осознаются. Сартр настаивает на том, что именно через насилие возможно обретение подлинного существования в мире отчуждения; Бурдье показывает, что даже самые спонтанные практики могут быть лишь инсценировкой свободы, за которой стоит безличная работа социальных структур. Так очерчиваются два полярных полюса современной социальной философии, что на одном полюсе насилие мыслится как экзистенциальный акт, конституирующий субъекта и историю, на другом - как вездесущий, но ускользающий от рефлексии механизм социального воспроизводства, работающий через тела, привычки и повседневные практики.

Далее выделяются два магистральных вектора осмысления насилия в XXI веке:

Первый вектор связан с радикальной ренатурализацией насилия, его последовательной редукцией к до- или внесоциальным основаниям. Под определяющим влиянием нейронаук, эволюционной психологии и поведенческой генетики насилие все чаще концептуализируется как эпифеномен мозговой активности - следствие дисфункции префронтальной коры, дисбаланса нейромедиаторов или генетически детерминированных паттернов агрессивного поведения. Здесь сартровский субъект, наделенный свободой и ответственностью, уступает место мозгу как нейронному агрегату, а насилие утрачивает экзистенциальное измерение, становясь объектом терапевтического или фармакологического вмешательства. Происходит своеобразное возвращение к гоббсовской антропологической константе, но теперь обоснованной не умозрительной философией, а авторитетом экспериментальной науки, что выносит проблему за пределы социально-философского анализа в компетенцию психиатрии и криминологии.

Второй вектор, напротив, развивает интуиции Бурдье, но выводит их за пределы антропоцентричного мира. Происходит то, что можно назвать концептуальным «замыливанием» насилия, где его физические, телесные формы объявляются либо пережитком прошлого, либо лишь видимой верхушкой айсберга. В теориях пост-насилия, некрополитики и алгоритмического управления все более весомыми становятся понятия символического, структурного и цифрового насилия, которые уже не просто дополняют физическое принуждение, но подчас вовсе вытесняют его из поля зрения исследователя. Алгоритмы, управляющие социальными процессами, эпистемическое насилие, исключаящее иные способы знания, и экологическое насилие над нечеловеческими агентами мыслятся столь же фундаментальными формами подавления, сколь и прямое физическое воздей-

ствие. Возникает парадоксальная ситуация, что насилие либо окончательно укореняется в органическом субстрате индивида, переставая быть предметом собственно социально-философского анализа, либо расширяется до такой степени, что, утрачивая связь с телесным опытом страдания, рискует раствориться в метафорических описаниях и утратить свою концептуальную определенность.

Источники и литература

- 1) Бурдые П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007.
- 2) Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя. М.: Институт экспериментальной социологии, 2001.
- 3) Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
- 4) Гоббс Т. Левиафан. М: Мысль, 2001.
- 5) Маркс К. Капитал. Том 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951.
- 6) Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1968.
- 7) Sartre J.-P. Critique of Dialectical Reason. Vol. 1: Theory of Practical Ensembles. London: Verso, 2004.